

НА ФИНАНСОВОЙ ДИЕТЕ

Валерий БАЙНЕВ,
доктор
экономических наук

Вопреки активно навязываемым остальному миру представлениям о постиндустриальном обществе, современное экономическое, политическое, военно-техническое лидерство технологически развитых держав связано с индустриальным развитием. Их пример, а также белорусский опыт непосредственно убеждают в необходимости восстановления и ускоренного развития промышленного потенциала постсоветских стран.

Нынешний мировой финансово-экономический кризис в значительной мере развеял иллюзии постиндустриализма и пресловутой сервисной экономики услуг, которые на рубеже веков, к сожалению, получили широкое распространение в научной среде [1]. Преувеличение значимости якобы самодостаточной сферы услуг, ее обособление от реального сектора обеспечили условия для «виртуализации» мировой экономики. Тем самым были созданы необходимые теоретические предпосылки для «выдувания» многочисленных «бумажно-финансовых пузырей», что в итоге и привело к возникновению дисбалансов глобального масштаба.

Меньше всех от данного экономического катаклизма пострадали, как известно, державы, которые в последние годы ускоренными темпами развивали свой промышленный потенциал. Среди них прежде всего следует выделить Индию и Китай, а на постсоветском пространстве – Беларусь (табл. 1). Разумеется, кризис как свойственный капитализму циклически повторяющийся процесс рано или поздно закончится. Страны, сохранившие свою промышленно-производственную составляющую, окажутся при этом в выигрыше, тогда как отдельные постсоветские государства, которые в свое время сделали ставку на ныне обанкротившуюся экономику услуг и практически махнули

рукой на сельское хозяйство и промышленность, рискуют вообще остаться ни с чем. Не случайно в интервью телеканалу ОНТ в апреле 2009 года известный латвийский экономист Райта Карните с плохо скрываемой завистью заявила: «Для Беларуси очень хорошо, что у нее развита промышленность. И не слушайте тех, кто предлагает опережающими темпами развивать сервисный сектор, потому что промышленность – это двигатель современной экономики». Нельзя не оценить того, насколько дальновидно поступило руководство нашей страны, не позволив зарости бурьяном сельскохозяйственным угодьям, воспрепятствовав разрушению промышленности. Дальновидность и в том, что оно преисполнено решимости всемерно поддерживать отечественное производство и впредь.

В любом случае нынешний мировой финансово-экономический катаклизм для многих послужит наукой. Уже сегодня в России с ее либерально-рыночной сырьевой «чудо-экономикой», всецело зависящей от главного привода – нефтегазовой трубы, наконец-то всерьез озаботились качественными показателями развития. На повестке дня уже не только задачи количественного наращивания ВВП, в том числе за счет форсированной распродажи сырья, но и проблемы увеличения в 4 раза производительности труда, инновационной диверсификации и неоиндустриализации народного хозяйства страны [1; 3]. При этом под неоиндустриализацией понимается скачкообразное количественное и качественное наращивание промышленного потенциала страны на базе автоматизации и компьютеризации промышленного комплекса. Последнее условие существенно отличает вторую стадию индустриализации от ее первой фазы, в свое время успешно осуществленной в СССР на основе механизации и электрификации.

Появились серьезные научные исследования, убедительно доказывающие, что *инновационное развитие ведущих держав современности осуществляется не за счет сферы услуг, а благодаря росту промышленности, крупной индустрии и, прежде всего, производству средств производства* [3]. В условиях перехода к инновационной, основанной на знаниях экономике это вполне естественно. Концентрация высокотехнологичных и наукоемких производств максимальна именно в промышленности, являющейся главным потребителем технико-технологических новшеств и поставщиком прогрессивных средств труда для других отраслей и сфер деятельности.

Учитывая общемировые тенденции, а также то, что первая фаза индустриализации в странах бывшего СССР в основном уже завершена, *курс на неоиндустриализацию следует обозначить в качестве стратегического приоритета развития и главного инновационного проекта стран Союзного государства и ЕврАзЭС в XXI веке*. Для Беларуси, несмотря на сравнительно неплохие количественные показатели работы промышленного комплекса (см. табл. 1), также исключительно актуальна проблема коренной технико-технологической модернизации производства и повышения качества выпускаемой продукции, в чем убеждают обострившиеся проблемы с ее сбытом.

Базовые принципы проведения неоиндустриализации нет необходимости изобретать, их сегодня наглядно демонстрируют лидеры мировой экономики. Во-первых, локомотивами инновационного развития технологически развитых стран выступают крупные и сверхкрупные предприятия – транснациональные корпорации, реализующие принцип вертикальной интеграции всех стадий производства, начиная с добычи сырья, продолжая производством продукции и заканчивая ее организованным сбытом. Сегодня западные мегакорпорации контролируют до 1/2 мирового промышленного производства, 2/3 международной торговли, около 4/5 мирового банка открытий, па-

тентов, лицензий и технологий. Следовательно, именно они, а не сектор услуг и малый бизнес, являются подлинными катализаторами инноваций. Государство осуществляет всесторонний патронаж таких сверхкрупных предприятий, как правило, имеющих межотраслевой характер. При этом правительство непосредственно не занимается проблемами малого и среднего бизнеса, роль которого достаточно скромна и в основном сводится к выполнению отдельных работ по заказам крупных корпораций.

Во-вторых, основная цель неоиндустриализации – интенсификация производства через кратное повышение общественной производительности труда, являющейся, по большому счету, главным целевым критерием научно-технического прогресса и социально-экономического развития в целом. Подобный рост неосуществим без масштабного внедрения в практику достижений науки и техники, в отрыве от процесса перехода на инновационный путь развития через автоматизацию и компьютеризацию отраслей, производств, конкретных рабочих мест. Следует отметить, что по доле автоматизированных рабочих мест и производительности труда Беларусь, Россия и другие страны ЕврАзЭС в 3–5 раз отстают от технологически развитых держав [1; 4]. Таким образом, не столько экстенсивный прирост ВВП, сколько увеличение производительности труда и доли автоматизированных рабочих мест должны стать целевыми статистически отслеживаемыми показателями, характеризующими качественные изменения в процессе неоиндустриализации.

И наконец, для ускоренного развития промышленности в стране должна быть создана соответствующая благоприятная макроэкономическая среда, прежде всего в самой важной для рыночной экономики сфере – кредитно-денежной, монетарной. Здесь также не надо, что называется, изобретать велосипед, поскольку оптимальные параметры такой среды более чем отчетливо демонстрируют технологически развитые страны [4].

БАЙНЕВ

Валерий Федорович.

Родился в 1966 году. В 1992 году окончил Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (г. Саранск, Россия). В 1995 году в Нижегородском государственном техническом университете защитил кандидатскую диссертацию, посвященную решению проблем управления электротехническими комплексами и системами. С 1998 года обучался в докторантуре Санкт-Петербургского государственного университета, по окончании которой в 2000 году защитил докторскую диссертацию, связанную с решением экономических проблем научно-технического прогресса в электроэнергетике. С 2001 года проживает в Минске.

Профессор кафедры менеджмента экономического факультета БГУ. Научный руководитель НИР, входящей в государственную комплексную программу научных исследований «Экономика и общество» (2006–2010 годы).

Эксперт консультативного совета Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь. Возглавляет редакционную коллегию журнала «Новая экономика» (г. Минск).

Автор и соавтор более 150 научных и учебно-методических работ.

Прежде всего, инновационно-промышленный сектор должен быть в необходимой мере обеспечен финансовыми ресурсами для генерации и внедрения технико-технологических новшеств. Это подразумевает наличие в стране достаточного, соответствующего ВВП, объема национальной денежной массы. Если количество денег ниже оптимального (100 % ВВП), порогового (50 %) и, тем более, критического уровня (30 %), то, согласно широко известной экономистам формуле количественной теории денег, финансовые ресурсы неизбежно «выдавливаются» из отраслей с низкой оборачиваемостью капитала, в числе которых находится инновационно-промышленный сектор, в те сферы, где она выше.

К сожалению, сегодня во всех без исключения странах ЕврАзЭС и СНГ обеспеченность экономики национальными деньгами существенно ниже порогового и даже критического уровня (в Беларуси, например, она не более 15 % ВВП).

Согласно описанному выше механизму перераспределения финансовых ресурсов в условиях их дефицита, как правило, искусственно созданного под благовидным предлогом борьбы с инфляцией, инновационно-промышленный сектор постсоветских стран закономерно испытывает их острейший недостаток, в то время как основная часть денежных средств «крутится» в сфере обмена. Кроме того, дефицит финансовых ресурсов ведет к масштабной долларизации экономики, заставляя население постсоветских стран трудиться за иностранные «бумажки с картинками», а также позволяет банковской системе взвинтить ставку банковского процента до 15–30 % годовых. В итоге на всем постсоветском пространстве стоимость кредитных ресурсов в разы выше рентабельности предприятий, едва достигающей 5–10 % в год. Разумеется, в технологически развитых странах уровень обеспеченности денежной массой приближен к оптимальному

Таблица 1. Индексы промышленного производства в некоторых странах мира (1990 = 100)

Типическая группа стран	Страна	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Технологически развитые страны	Австрия	112	151	154	155	162	170	177	190	199
	Германия	96	110	110	109	109	112	117	121	121
	Канада	113	142	138	141	141	146	150	150	150
	США	116	150	144	144	144	150	155	158	161
	Финляндия	115	165	166	169	171	180	180	198	207
	Франция	102	116	118	116	115	118	119	120	122
Страны догоняющего развития	Венгрия	88	148	154	159	169	182	195	215	232
	Польша	124	178	178	181	197	222	231	259	284
	Республика Корея	151	232	233	252	265	293	312	338	361
	Индия	135	178	182	193	206	223	240	260	280
	Китай	257	448	492	545	605	670	740	820	910
Страны ЕврАзЭС	Беларусь	61	101	107	112	120	139	153	170	184
	Казахстан	48	58	66	73	80	88	92	98	106
	Кыргызстан	27	42	44	39	46	48	42	38	41
	Россия	50	53	54	56	61	66	68	70	72
	Таджикистан	43	41	47	51	56	64	70	74	81

Источник: рассчитано автором с использованием [2, с. 233–234], а также информации Межгосударственного статистического комитета СНГ и Национального сборника статистики США.

значению, и потому стоимость кредитов, например, в Японии составляет символические 0,1 % годовых, делая их вполне доступными для инновационных предприятий.

Еще одним ключевым параметром, определяющим возможность ускоренного развития промышленности, является обменный курс национальной валюты. Начиная с 1993 года все развитые страны мира определяют справедливые обменные курсы своих национальных денежных единиц на основе теории паритета покупательной способности (ППС), разработанной идейным вдохновителем шведской экономической модели Густавом Касселем [5]. Считается, что обменный курс валюты соответствует ППС в том случае, если и до обмена, и после него обладатель некоторой денежной суммы может приобрести в разных странах примерно одно и то же количество однотипных товаров и услуг. Для базового определения ППС использован специальный набор из почти 3000 товаров и услуг. Для ежемесячной корректировки ППС применяется «облегченный» набор из 92 экономических благ [6]. Как свидетельствует статистика Международного валютного фонда, Всемирного банка, Евростата и других организаций, официальные обменные курсы национальных валют, как правило, существенно отличаются от их справедливых, определяемых ППС, значений. В числе прочего это приводит к тому, что выраженный в национальных денежных единицах ВВП какой-либо страны при его пересчете в доллары США с использованием разных обменных курсов характеризуется отличающимися величинами (табл. 2). Очевидно, что масштаб различий обоих значений ВВП в точности соответствует масштабу отклонения официального обменного курса национальной валюты от его справедливой, определяемой ППС величины. Таким образом, для расчета масштаба искусственного занижения официального обменного курса национальной валюты относительно его справедливого значения достаточно разделить ВВП страны, рассчитанный с использованием

справедливого обменного курса, на значение того же ВВП, полученного на базе его официальной величины.

Кстати, статистика международных финансовых институтов содержит оба значения ВВП для всех анализируемых стран мира. Это дает возможность достоверно выявить те из них, которые недооценивают или переоценивают свои национальные денежные единицы (см. табл. 2). Нетрудно заметить, что все без исключения технологически развитые державы поддерживают обменные курсы своих денежных единиц на уровне и даже несколько выше ППС, в то время как отсталые и регрессирующие страны существенно, порою кратно недооценивают свои национальные валюты. Данное правило убеждает, что если страна желает остаться в иерархии технологически развитых держав, то она по примеру грандов мировой экономики не может быть в числе стран, недооценивающих свои денежные единицы.

К сожалению, страны бывшего СССР без каких-либо исключений традиционно поддерживают обменные курсы своих денежных единиц существенно ниже ППС с того самого времени, когда западные советники по осуществлению рыночных реформ потребовали кратной девальвации советского рубля, по «весу» не уступавшему доллару.

Например, в 2008 году официальный обменный курс белорусского рубля определялся величиной 2150 руб./долл., в то время как его справедливое значение

По оценкам Федерального резервного банка США, сегодня в мире насчитывается американской наличности на сумму 900 млрд. долларов

Таблица 2. Соотношение официального и определяемого ППС (справедливого) обменных курсов национальной валюты и доллара США в некоторых странах мира в 2008 году

Страна	ВВП по официальному обменному курсу национальной валюты, млрд. долларов	ВВП по ППС, млрд. долларов	Соотношение официального обменного курса национальной валюты и ее справедливого курса, определяемого ППС, разы	Масштаб занижения официального обменного курса национальной валюты относительно ее справедливого курса, определяемого ППС, разы
Страны «Большой семерки»				
США	14195,03	14195,03	1,00	1,00
Япония	4866,92	4438,70	1,10	0,91
Германия	3653,37	2906,42	1,26	0,80
Франция	2843,13	2116,61	1,34	0,74
Великобритания	2833,22	2215,90	1,28	0,78
Италия	2330,01	1826,89	1,28	0,78
Канада	1571,07	1398,31	1,20	0,83
Другие наиболее развитые страны мира				
Испания	1622,51	1403,79	1,16	0,87
Нидерланды	862,90	666,36	1,29	0,77
Швеция	502,53	348,19	1,44	0,69
Швейцария	472,50	310,34	1,52	0,65
Финляндия	273,02	191,81	1,42	0,70
Португалия	248,84	238,24	1,04	0,96
Новые члены Евросоюза				
Польша	450,58	664,55	0,68	1,47
Чехия	211,70	264,69	0,80	1,25
Венгрия	155,15	198,68	0,78	1,28
Словения	53,26	58,06	0,92	1,09
Страны ЕврАзЭС				
Россия	1698,65	2274,58	0,75	1,34
Казахстан	133,73	179,54	0,74	1,35
Беларусь	53,26	115,03	0,46	2,16
Узбекистан	26,33	70,67	0,37	2,68
Кыргызстан	4,76	11,46	0,42	2,41
Таджикистан	4,11	12,55	0,33	3,05
Страны третьего мира				
Танзания	19,84	53,80	0,37	2,71
Мьянма	13,03	63,77	0,21	4,86
Мозамбик	8,38	18,58	0,45	2,22
Руанда	3,78	9,13	0,41	2,42
Кирибати	0,07	0,37	0,19	5,28

Источник: рассчитано автором с использованием электронных ресурсов Всемирного банка и глобальной статистики: <http://siteresources.worldbank.org> (дата доступа: 15.01.2009 г.) и <http://www.econstats.com> (дата доступа: 02.06.2009 г.).

было 996 руб./долл. (для российского рубля эти значения были равны 25,6 и 15,8 росс. руб./долл. соответственно). Следовательно, национальные валюты Беларуси и России были недооценены относительно их справедливых обменных курсов в 2,2 и 1,3 раза соответственно, что сближает их со странами третьего мира (см. табл. 2). Кстати, сайт глобальной статистики (см. <http://www.econstats.com>) непосредственно оценил справедливый, соответствующий ППС, обменный курс белорусского рубля в 2008 году значением 994,4 руб./долл., что свидетельствует о точности наших расчетов. Вынужденная девальвация 2009 года лишь усугубила ситуацию.

В процессе выполнения задания ГКПНИ «Экономика и общество» (НИР № 20061700) нами показано, что указанная недооценка национальных денежных единиц стран ЕврАзЭС – это мощный, системно действующий фактор деиндустриализации их национальных экономик [4]. Действительно, отечественные производственные предприятия вынуждены приобретать ресурсы на внешних рынках по мировым (высоким) ценам и к тому же за *кратно переоцененную иностранную валюту*. В то же время им приходится реализовывать свою продукцию отечественным потребителям с их сравнительно малой зарплатой по внутренним, соответствующе низким ценам. В результате нередко получается так, что стоимость одного только сырья превосходит ту цену, по которой возможно продать изготовленный из него товар отечественному потребителю. Аналогично потери от завышенного курса иностранной валюты несут и работающие на внешний

рынок производственные предприятия-экспортеры, также вынужденные закупать ресурсы на мировом рынке. Без потерь выигрывают от спекуляции иностранной валютой банки, а также экспортоориентированные посредники и предприятия сырьевого сектора, которым не надо закупать что-либо на мировом рынке, переплачивая за мировую валюту. Таким образом, сегодня масштабная недооценка национальных денежных единиц делает *искусственно нерентабельным* промышленный сектор экономики, способствуя тотальному «вымыванию» его оборотных средств в сферу обмена и обеспечивая деиндустриализацию постсоветских стран.

Кроме того, периодически навязываемая Западом остальному миру девальвация местных национальных валют – главный фактор экспорта инфляции из «центра» на «периферию». Действительно, в результате искусственной недооценки (девальвации) местных валют товары развивающихся стран на мировом рынке продаются существенно дешевле их справедливой стоимости, а продукция западных ТНК – во столько же раз дороже. Это явление есть не что иное, как экспорт инфляции из развитых стран в отсталые. Иными словами, лидеры мировой экономики, печатая мировые деньги в больших объемах, «разгоняют» инфляцию в мировом масштабе, а склонные недооценивать свои денежные единицы государства покорно «утилизируют» ее, например, повышая цены на товары для своего населения.

Разумеется, для реализации курса на неоиндустриализацию страны ЕврАзЭС должны, прежде всего, предпринять *коллективные усилия по восстановлению оптимальных, общепринятых в цивилизованном мире, параметров функционирования кредитно-денежной системы*. Без этого любые наши прорывные инновации, кратное повышение производительности труда и неоиндустриализация обернутся всего лишь увеличением благосостояния в странах – эмитентах мировых валют.

Повышение коэффициента монетизации национальных экономик постсоветских стран связано с их постепенной, масштабной, целенаправленной дедолларизацией – замещением национальными деньгами долларовой массы, наводнившей каналы обращения наших стран.

Для этого, по примеру Беларуси и Китая, важно отказаться от доллара при расчетах друг с другом, перейти к практике продажи необходимых Западу сырьевых и энергетических ресурсов за национальные валюты, сократить (прекратить) выдачу кредитов в иностранной валюте. Указанные меры в перспективе позволят избежать и негативной практики искусственной недооценки национальных валют.

До тех пор, пока это не будет реализовано, страны ЕврАзЭС должны проводить скоординированную промышленную политику, нацеленную на компенсацию (предотвращение) «вымывания» оборотных средств инновационно-промышленных предприятий в сферу обмена и обеспечение им доступа к финансовым ресурсам для осуществления модернизации производства.

По примеру государств, в свое время совершивших успешный технико-технологический прорыв, в перечне подобных мер следует указать: прямое бюджетное финансирование инновационных и стратегически значимых производств; предоставление таким предприятиям существенных налоговых льгот и кредитных ресурсов по доступной цене; введение ограничений на «перетекание» иностранной валюты, заработанной на внешних рынках трудом промышленных предприятий, в пользу торгово-посреднических структур, способных ее только тратить на ввоз импорта, и тому подобное. В конечном счете, нынешний белорусский опыт реализации государством инновационно-промышленной политики и поддержки отечественного промышленного комплекса целесообразно рекомендовать к изучению и активному использованию в странах ЕврАзЭС и СНГ. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Губанов, С.С. Иллюзии постиндустриализма / С.С. Губанов // *Беларуская думка*. – 2009. – № 6. – С. 77–83.
2. Важнейшие социально-экономические показатели развития России (К пятнадцатилетию российской реформ): Альбом статистических таблиц. – М.: Институт экономики РАН, 2007. – 256 с.
3. Губанов, С.С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) / С.С. Губанов // *Экономист*. – 2008. – № 9. – С. 3–27.
4. Байнев, В.Ф. Социально-экономическое развитие и «ловушки» рыночного либерализма: курс на неоиндустриализацию / В.Ф. Байнев, В.Т. Винник. – Минск: Право и экономика, 2009. – 114 с.
5. Экономика и деньги: сб. науч. тр. / Автор и составитель С.А. Пелих. – Минск: Право и экономика, 2009. – 271 с.
6. Пелих, С.А. Проблемы денежно-кредитных отношений: сб. науч. тр. / С.А. Пелих. – Минск: Право и экономика, 2007. – 250 с.